

О. Д. Попова
**ПРОТЕСТНОЕ ДВИЖЕНИЕ ВОСПИТАННИКОВ
 ПЕРМСКОЙ СЕМИНАРИИ**

doi: 10.30759/1728-9718-2019-1(62)-87-95

УДК 94(470.5)“18”

ББК 63.3(235.55)531

В статье анализируется повседневная жизнь Пермской духовной семинарии конца XIX в. как фактор протестного движения семинаристов. Анализируются мемуары семинариста В. А. Яхонтова и архивные материалы Учебного комитета. Автор показывает, что главная причина волнений в среде семинаристов заключалась в системном кризисе духовно-учебных заведений. Вся организация жизни Пермской семинарии была такова, что неизбежно рождала внутренний протест, стимулировала воспитанников знакомиться с передовой литературой, включаться в революционную деятельность. С другой стороны, волнения семинаристов были порождены особенностями сословной жизни духовенства. Воспитанников не устраивал внутренний режим учебных заведений, приближенный к монастырскому, требование соблюдать правила отправления культа, строгий надзор начальства и плохие условия жизни. Автор делает вывод о том, что протестные движения в семинариях отразили специфику модернизационных процессов в России: догоняющий характер модернизации определил формально-юридическое сохранение сословий, тогда как фактически шел процесс размывания сословных границ, государство же поддерживало старые порядки.

Ключевые слова: *духовные семинарии, протестное движение, модернизация, сословность, общественное сознание*

Исследование истории повседневности приводит к осознанию того, насколько повседневные нормы и реалии согласовывались с потребностями самого человека. Особенно это важно для периода второй половины XIX — начала XX в., т. е. периода стремительной модернизации России. Изучение жизни воспитанников духовно-учебных заведений необходимо для понимания такого явления, как протестное движение семинаристов. Так, существует точка зрения, трактующая протесты семинаристов как досадное недоразумение, вызванное революционным движением. С этим не согласен, в частности А. А. Хохлов, который говорит о кризисе как о системном явлении, подчеркивая, что его причиной стал двухсотлетний диктат государства над церковью, определивший на несколько поколений вперед, кто и какую задачу должен выполнять.¹ В современной на-

учной литературе сложилось мнение, что революционные выступления учащихся духовно-учебных заведений были далеки от политики и вытекали из специфики корпоративной культуры семинарской жизни.² Политическую окраску семинарские бунты приобретают только в начале XX в. Поэтому важно понять, насколько семинарская повседневность была фактором, изнутри стимулирующим включение учащихся семинарий в общественные движения.

Безусловный интерес в этом плане представляют воспоминания бывшего ученика Пермской духовной семинарии Владимира Александровича Яхонтова. Документ был обнаружен в фондах отдела рукописей Российской национальной библиотеки.

Сложность изучения повседневности состоит в том, что многие детали выявляются только в процессе анализа различных источников,³ в том числе личного происхождения. Безусловно, необходимо помнить, что к таким документам следует подходить с определенной долей критики, используя методы перепроверки информации.⁴

¹ См.: Хохлов А. А. О характере внутренней жизни Казанской духовной семинарии на рубеже XIX–XX столетий // Учен. зап. Казан. ун-та: Гуманитарные науки. 2013. Кн. 3, ч. 1. С. 94, 95.

Попова Ольга Дмитриевна — д.и.н., профессор кафедры социологии, Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина (г. Рязань)
 E-mail: od-pопова@mail.ru

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 16-01-00468-ОГОН «Мемуары воспитанников духовно-учебных заведений как отражение процесса трансформации ментальности духовенства на рубеже XIX–XX веков» (рук. — О. Д. Попова)

² См.: Леонтьева Т. Г. Вера и прогресс: Православное сельское духовенство России во второй половине XIX — начале XX вв. М., 2002. С. 87.

³ См.: Попова О. Д. О годах «семинарской тяготы»: история духовно-учебных заведений в мемуарах их воспитанников (середина XIX — начало XX века). Рязань, 2017. С. 61.

⁴ Там же. С. 41–46.

В. А. Яхонтов приступил к написанию мемуаров в 1939 году, накануне своего 70-летия, стремясь сохранить для потомков свой жизненный опыт — будни рядового человека, просто сельского учителя. В предисловии он пишет: «Но история не только интересна, а и полезна. Она учит. Сравнивая прошлое с настоящим, мы выбираем пути, намечаем задачи и цели, критикуем, оцениваем и т. д., и т. п. С этой стороны для нас ценны знания прошлой жизни именно рядовых, средних людей, жизнь массы. <...> Жизнь же масс обычно ускользает из внимания и через два, много три поколения исчезает бесследно».⁵ Однако, безусловно, его мемуары — это обобщенный образ семинарии, который сохранился в его памяти.

При работе с мемуарами воспитанников духовно-учебных заведений большое значение для перепроверки данных имеет привлечение материалов ревизий, которые регулярно проводились чиновниками Учебного комитета.⁶ В частности, информация, полученная из мемуаров Яхонтова, наиболее полно раскрывается в сочетании с материалами пяти ревизий Пермской духовной семинарии, которые проводились во второй половине XIX — начале XX вв. Большой фактический материал по истории Пермской семинарии содержится в работе Н. Седых.⁷ Использование этих документов позволяет преодолеть эмоциональный фон написания мемуаров. Однако именно источники личного происхождения могут показать подробности жизни воспитанников закрытых учебных заведений, процесс переживания элементов этой повседневности.

Главный фокус мемуаров Яхонтова — это детство и юношество, процесс личного становления. Поэтому, кроме воспоминаний об учебе в двух духовно-учебных заведениях (в Далматовском духовном училище и Пермской духовной семинарии) немало страниц автор уделил своим родным и времени, проведенному в доме на каникулах. Как отмечает Яхонтов, его поступление в духовное училище было вынужденным шагом: он был сыном-сиротой священника, мать же трудилась сельской учительницей, и размер ее зарплаты не позволил отдать сына в гимназию, а поступле-

ние в училище давало право на казенное содержание при полной оплате за учебу и обеспечение учебными пособиями. Период его учебы выпал на годы контрреформ Александра III. В 1886 г. после завершения обучения в духовном училище он поступил в духовную семинарию, но был отчислен после 3-го года обучения. Поэтому часто в тексте воспоминаний присутствуют выражения «старая бурса» и «новая бурса». Следует отметить, что это очень распространенные термины, которые отделяли дореформенную духовную школу от послереформенной. Реформа 1867 г. не только внесла изменения в Устав духовных семинарий, но и дала возможность семинаристам поступать в университет (правда такое право существовало только до 1884 г.), предусматривала строгую регламентацию учебного процесса (при этом упор делался не на зубрежку, а на осознанное усвоение учебного материала).

Яхонтов довольно подробно повествует о разных аспектах повседневной жизни в духовном училище и семинарии. Анализ показывает, что жизнь в Пермской семинарии была такой же малоотрадной, как и во многих других духовно-учебных заведениях. В частности, по воспоминаниям Яхонтова, питание никак не могло удовлетворить потребности растущего организма.

В целом, рассказ о полуголодном существовании в стенах бурсы — распространенный сюжет. О подобном повествуют и воспитанники Воронежской и Одесской духовных семинарий. Однако вопрос питания состоит из двух сторон — качества и количества. Так, например, в Воронеже воспитанники в основном жаловались на скудость рациона и малое количество еды.⁸

В Пермской семинарии проблема состояла еще и в качестве еды. На первый взгляд, меню могло показаться не просто разнообразным, но роскошным. В нем значились супы, щи, солянки (из малосолевых судаков, из осетринных голов), каши, пироги. Однако, как отмечает автор, все это была «такая гадость, притом, чем мудренее название, тем хуже».⁹ Дело в том, что провизия закупалась самого низкого качества. Поэтому семинаристы иногда даже не притрагивались к еде. Организация питания была такова, что младшие порой не

⁵ ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 7. Д. 107. Л. 3.

⁶ См. об этом: Попова О. Д. Материалы ревизий духовно-учебных заведений как исторический источник и роль в прочтении мемуаров семинаристов // Вестн. Рязан. гос. ун-та им. С. А. Есенина. 2018. № 1 (58). С. 7–17.

⁷ Седых Н. Очерки истории Пермской духовной семинарии за 1877–1884 год. Пермь, 1915.

⁸ См.: Сердобольский А. П. Из воспоминаний воронежского семинариста 1859 до 1865 гг. / С-к-й // Воронеж. епарх. ведомости. 1899. № 19, часть неофиц. С. 763–782.

⁹ ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 7. Д. 107. Л. 436.

успевали съесть свои порции, поскольку еду сначала раздавали старшим, и пока очередь доходила до младших, старшие уже вставали из-за стола. Интересно отметить, что ревизия 1886 г. такое положение дел с питанием воспитанников не зафиксировала, а наоборот, нашла его достаточным: «Сверх сытного обеда и ужина, ученикам дается на завтрак чай с белым хлебом, количество сахара на каждого ученика к концу ревизии увеличено в два раза...»¹⁰ Однако в момент этой ревизии автор мемуаров еще учился в духовном училище (он жил на квартире и хозяйка кормила своих постояльцев простой крестьянской едой, обильной и доброкачественной).

Те семинаристы, у кого были деньги, могли подкрепиться в «Сионе». Это было нечто среднее между трактиром, ресторанчиком и кабаком с общими залами, отдельными кабинетами и номерками. Сам автор мемуаров пишет о нем как «о неизменном убежище и месте всяческих утешений (включая даже “девиц”). Там пили, ели, шумели, спорили, пели и плясали мелкие и крупные компании семинаристов, и днем и ночью, как удастся и насколько хватит “грошей”, времени и возможностей».¹¹ Посещение «Сиона» им было запрещено; начальство неоднократно устраивало облавы. Как утверждает Яхонтов, все они заканчивались неудачей для инспектора: хозяин трактира предупреждал семинаристов и выводил их из своего заведения. Именно здесь можно было купить дешевую, но качественную еду: 1 копейку стоил пирожок, 50 копеек — сотня пельменей, 10 копеек — огромная миска жирного борща, 3–4 котлеты и т. п. Однако далеко не все семинаристы могли посещать это значное место. Многие из них голодали.

Именно по причине отвратительного питания в семинарии случился один из бунтов, который нашел отражение в воспоминаниях Яхонтова. Бурсаки исковеркали никогда не промываемые свинцово-оловянные миски и тарелки, переломали деревянные ложки, насыпали у дверей квартиры вора-эконома гнилую морковь из «праздничных» пирогов и полили ее вонючей похлебкой из гнилых судаков. По словам автора, даже этот наивный бунт вызвал страшный переполох среди начальства, усмирять семинаристов приехал сам архиерей.¹² Он стучал посохом, кричал на вос-

питанников, а вид у него был комичный и вызвал у семинаристов больше смеха, чем покаяние. Обращает на себя внимание тот факт, что, по сути, никто даже не стремился разобраться в причинах волнений. Начальство предприняло весьма незначительные шаги к улучшению содержания воспитанников, чтобы подобные волнения не повторились; была попытка установить монастырско-тюремные порядки в бурсе: воспитанникам запретили любые отлучки в город, а это означало, что семинаристы не могли ходить в библиотеку, совершать прогулки и уж тем более посещать «Сион».

Оглашение этих запретов вызвало новую волну протеста, в которой уже приняли участие не только бурсаки, но и «квартирные семинаристы». Они устроили страшный погром, забросали камнями окна квартиры инспектора и эконома. Эта волна бунта достигла своего успеха: инспектор Ливанов был переведен в другую семинарию. Делопроизводственные документы Учебного комитета не дают ответа на вопрос, была ли назначена по этому факту ревизия или нет. Либо епархиальному начальству удалось убедить власти в том, что оно урегулирует все вопросы само, либо Учебный комитет счел события в Перми в свете волны беспорядков в семинариях настолько мелкими, что решил обойтись без ревизий и ограничиться только сменой инспектора.

Безусловно, можно утверждать, что высшее начальство о проблемах Пермской семинарии знало. Это явно отразилось в материалах ревизии 1891 г. В них отмечается, что беспорядки в семинарии происходили регулярно, нередко волнения выливались в массовые факты нарушения дисциплины, порой квартиру инспектора забрасывали камнями. Отмечен и факт волнений 1888 г., после которого сменили инспектора семинарии.¹³ Однако начальство списывало дурное поведение воспитанников на их распущенность и пьянство и поэтому пыталось изолировать их от влияния значных мест.¹⁴

В целом же, анализ мемуаров Яхонтова показывает, что для бунта плохая пища была только поводом. Главная причина крылась в системном кризисе духовно-учебных заведений. Вся организация жизни семинарии неизбежно рождала внутренний протест. С одной стороны, учиться в семинарии поступали люди, совершенно не испытывавшие призвания

¹⁰ РГИА. Ф. 802. Оп. 9 (1886). Д. 8. Л. 108.

¹¹ ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 7. Д. 107. Л. 437.

¹² Там же. Л. 493.

¹³ РГИА. Ф. 802. Оп. 9 (1891). Д. 15. Л. 530б.

¹⁴ Там же. Оп. 10 (1899). Д. 30. Л. 260б.

к пастырской службе. С другой — в преподавательские корпорации нередко входили люди, не испытывавшие к педагогике какого-либо интереса и рассматривавшие службу в семинарии только как промежуточный этап в своей служебной карьере. В силу своего происхождения оказавшись вначале в духовной семинарии, потом в духовной академии, молодой человек получал назначение на службу в духовную семинарию. Особенно ярко эта проблема преподавательских корпораций показана в мемуарах митрополита Евлогия, преподававшего в нескольких учебных заведениях. Как отмечает Евлогий, многие представители начальствующих лиц, приняв монашеский постриг из-за карьерных устремлений, превращались в одиозных руководителей, а преподаватели, не находя удовлетворения в своей работе, либо вели дело совершенно формально, либо находили утешение в пьянстве.¹⁵ Мемуары Яхонтова в полной мере дополняют эту общую печальную картину. Негативную характеристику целеустремленного карьериста заслужил даже такой выдающийся общественный деятель Пермской земли, как З. М. Благонравов, в будущем член Государственной думы.¹⁶

С нескрываемым презрением относились воспитанники к преподавателю греческого языка Петру Андреевичу Мстиславскому — беспробудному пьянице, который и уроки в большинстве случаев вел в пьяном виде. Бурсаки дали ему меткое прозвище — «Петрушка», подразумевая балаганного героя.¹⁷ Интересно отметить, что в ходе ревизий 1886 и 1891 гг. пьянство Мстиславского «ускользнуло» от внимания ревизоров и он получил характеристику как «наставник знающий, серьезно относящийся к делу».¹⁸ Н. Седых, говоря о составе преподавательской корпорации за 1877–1884 гг., указывает на четырех преподавателей, с которыми правление семинарии было вынуждено разорвать трудовые отношения именно по причине алкоголизма.¹⁹

Другой наставник — преподаватель истории словесности и истории литературы Валерьян Дмитриевич Фоминский, получивший кличку «Химера» требовал зубрежки, имел пристрастие к нелепым старым произведениям литературы, хорошо им вызубренным, нередко

обнаруживал свое полное невежество (за ответом следил по книге). Этим нередко пользовались ученики: спрошенные часто читали текст учебника, который ловко подкладывал товарищ по парте. Халатное отношение Фоминского к своим обязанностям не ускользнуло и от ревизора Григорьевского в 1886 г. Он сообщает: «...вообще не видно, чтобы наставник серьезно готовился к уроку и старался развить понимание и эстетический вкус учащихся».²⁰

Особую ненависть испытывали семинаристы к инспекторам, на которых возлагалось основное воспитание. Как отмечает автор мемуаров, Святейший Синод (семинаристы называли его «слепейший Синод») видел цель всей воспитательной работы весьма расплывчато — «благонравие, усердие, благонадежность и смирение».²¹ Смысл действий инспекторов сводился к тому, чтобы поймать на проступке ученика и наказать его. Например, инспектор Ливанов получил прозвище «Иуда» из-за методов работы с семинаристами: он действовал через своих помощников, а все сведения о жизни семинарии получал благодаря сети шпионов,²² причем шпионили и доносили как семинаристы, так и служащие: швейцар, буфетчики, гардеробщик.

Еще более скверный характер имел другой инспектор — Павел Семенович Потоцкий, пришедший на смену Ливанова после бунта семинаристов. «Это был тип настоящего полицейского по призванию, в самом худшем смысле этого слова. Наглый, невежественный, грубый с подчиненными и подхалим с начальством, нахальный, но смелый и безжалостный», — так его характеризовал Яхонтов.²³ Потоцкий никому не доверял и поэтому сам следил за учащимися. Поймав ученика хоть на малом проступке, сразу же заносил его в кондуит, снижал оценку за поведение. При нем курительная комната была обращена в темный карцер, где «провинившиеся» сидели, иногда неделями, на хлебе и воде за самые невинные поступки. При этом в неблагонадежности он подозревал не только воспитанников, но даже и преподавателей. В целом, Потоцкий не скрывал, что приехал в семинарию, чтобы «усмирить смуту» и революционный дух, при этом был готов видеть революционную смуту даже там, где ее не было в принципе. В частности, Яхонтов пишет,

¹⁵ См.: Евлогий, митр. (Георгиевский). Путь моей жизни. М., 1994. С. 70–99.

¹⁶ ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 7. Д. 107. Л. 393–396.

¹⁷ Там же. Л. 405.

¹⁸ РГИА. Ф. 802. Оп. 9 (1886). Д. 8. Л. 83.

¹⁹ См.: Седых Н. Указ. соч. С. 89.

²⁰ РГИА. Ф. 802. Оп. 9 (1886). Д. 8. Л. 810б.

²¹ ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 7. Д. 107. Л. 388.

²² Там же.

²³ Там же. Л. 391.

что для него, близорукого человека, большой радостью было приобрести очки, и он тут же попал в число неблагонадежных у инспектора, который зачислил его в социалисты.

Лишь немногие преподаватели оставили положительный отклик в сердцах воспитанников. Например, вызывал уважение помощник инспектора Павел Николаевич Черемшанский, который к семинаристам относился хорошо, был снисходителен к мелким проступкам, а иногда покрывал и крупные, грозящие виновнику исключением из семинарии. При посещениях «квартирных учеников» в первую очередь уделял внимание бытовой стороне жизни воспитанников, о недостатках докладывал начальству, от хозяев квартир требовал улучшения. При этом в глазах учеников он не скрывал своего презрительного отношения к «шпионским» методам поддержания дисциплины Ливанова и Потоцкого. Как отмечает Яхонтов, бурса жалела Черемшанского, потому что понимала, что он тяготится своей ролью и в семинарии оказался только в силу обстоятельств.²⁴ Семинарское образование в условиях провинциального города давало ему не так много альтернатив — либо рукоположение в священники, либо преподавательская деятельность.

В общем-то, единственный, кто пытался действительно заниматься образованием детей, был Александр Иванович Тихомиров — преподаватель Святого писания, библейской и церковной истории. Его занятия семинаристы не очень ценили, потому что чувствовали, что предметов своих он не любил, хотя руководство в лице ревизоров не раз отмечало его высокий профессионализм.²⁵ Как предполагает автор мемуаров, если бы Тихомирову пришлось преподавать историю словесности и литературы, то он, возможно, оказался бы незаурядным педагогом. Однако система занятия должностей в семинариях была такова, что порой преподаватели получали назначение весьма произвольно, без учета какой-либо специализации. Тем не менее, Тихомиров пытался использовать свою должность для просвещения детей, он был единственным наставником, который старался как-то интеллектуально организовать их досуг. Он собирал у себя дома кружок семинаристов, где разговоры в основном велись на литературные темы. Первоначально воспитанники от-

носились к такой инициативе настороженно, затем постепенно кружок достиг 20 человек, и туда входили даже учащиеся богословского класса и гимназисты. На этих собраниях звучали такие имена, как Добролюбов, Писарев, Успенский, Решетников и даже Чернышевский. Начальство семинарии, узнав о собраниях, решило, что Тихомиров приглашает домой наименее успешных учеников, сделало молоту наставнику внушение и этим ограничилось. Однако следует отметить, что в душах воспитанников эти педагогические порывы, в целом, нашли настороженное отношение, поскольку такое поведение преподавателя не вписывалось в традицию бурсы. Яхонтов отмечает: «Любила ли Тихомирова масса? Этого нельзя сказать. Она его не знала и не понимала, хотя чувствовала, что он не враг, но и своим, бурсаком в лучшем, традиционном смысле этого слова, со всеми достоинствами и недостатками, она считать его не могла».²⁶

Воспитательной работы в полном смысле этого слова в семинарии не было. Никто не занимался досугом воспитанников. В театр ходили тайком и очень редко; считалось, что воспитанникам достаточно посещения богослужений, занятий музыкой и хорового пения. Физические занятия сводились к участию семинаристов в борьбе на кулаках, где команды строились по сословному принципу. Изредка семинаристы сбегали кататься на лодках, а зимой — на коньках. Это было запрещено, поскольку Кама замерзала неравномерно и был большой риск провалиться под лед. Начальству же было проще запретить, чем организовать безопасное катание детей. Из физических развлечений среди семинаристов были игры в мяч, городки. С легкой руки Яхонтова в семинарии получила распространение игра в шахматы, в старших классах процветала игра в карты.

В такой обстановке интеллектуальные запросы семинаристов практически не получали удовлетворения. В условиях общественного подъема, реформ и контрреформ, появления большого количества литературных новинок, авторы которых размышляли о судьбе России, у молодежи возникало неизбежное желание присоединиться к дискуссиям и одновременно осознать свою роль и судьбу в меняющейся России. Ведь многие оказывались в духовных семинариях не по причине сознательного

²⁴ Там же. Л. 396.

²⁵ РГИА. Ф. 802. Оп. 10 (1899). Д. 30. Л. 16.

²⁶ ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 7. Д. 107. Л. 426.

выбора и желания стать священнослужителем, а в силу своего духовного статуса. Как показывают мемуары Яхонтова, не в традициях бурсы было искать духовного единения с преподавателями. Сама же гнетущая атмосфера побуждала воспитанников искать единомышленников на стороне. Семинарское начальство не могло справиться с этими тенденциями и действовало только запретительными мерами. Например, как факт нарушения дисциплины в отчетах ревизора за 1891 г. отмечается сочинение, в котором воспитанник проявил свое знание произведений Л. Толстого и Д. Писарева.²⁷

Несмотря на запреты и карательные меры, семинаристы находили способы знакомства с передовой общественной мыслью. Яхонтов в мемуарах пишет, что очень скоро семинарская библиотека перестала удовлетворять его интеллектуальные запросы и он попытался записаться в городскую публичную библиотеку. Записывать же туда семинаристов было запрещено. В материалах ревизии 1891 г. посещение публичной библиотеки обозначалось как один из видов нарушения дисциплины.²⁸ Пришлось прибегнуть к переодеванию: наш герой нарядился «в шерстяную рубашку, плисовые шаровары, сапоги с набором и широкополую шляпу».²⁹ Яхонтов записался в библиотеку, но сбежать из семинарии в таком виде было небезопасно. Потом уже сами работники библиотеки предложили ему прекратить маскарад и записали его под вымышленным именем. Вначале он читал без всякой системы, потом библиотекарь предложил ему читать по определенному списку. Следующим шагом было посещение кружка Тихомирова, а затем Яхонтов вошел в тайный кружок семинаристов, который располагал своей подпольной библиотекой.

В общем, это была проблема всех семинарий того времени. Существование подпольных библиотек было довольно распространено. Подобные факты встречаем в Костроме и Владимире. Подпольная библиотека во Владимирской семинарии существовала более 30 лет, количество ее книг в некоторые годы достигало тысячи изданий.³⁰ Однажды семинаристы попытались легализовать это собрание, организовав официальную ученическую библиотеку. Однако результат оказался плачевным: бо-

лее десяти учащихся было уволено, некоторые воспитанники были лишены казенного содержания, другие отделались карцером.

В ситуации жесткого ограничения интеллектуальной деятельности семинаристы пытались найти контакты со всеми, кто мог им предложить духовное просвещение. Часто это были политические ссыльные. Так, например, в Костроме семинаристы контактировали с ссыльными народовольцами.³¹ Порой учащиеся семинарий попадали в зону внимания полиции по политическому делу. Например, в 1891 г. в Костромскую семинарию из губернского жандармского управления поступил запрос на 12 учеников, был произведен обыск на квартире двух учеников 6-го класса (один из них вскоре был освобожден, а второй был привлечен к дознанию в качестве обвиняемого по ст. 250 Уложения о наказаниях, отвезен в Санкт-Петербург и отдан под стражу).³² В этом плане и Пермь не была исключением. В апреле 1881 г. был привлечен к ответственности как политический неблагонадежный ученик 6-го класса Платон Кудрявцев. Он принадлежал к лучшим воспитанникам по успехам и поведению, пользовался стипендией неизвестного благотворителя, проживал в доме одного чиновника. Немедленно он был исключен из семинарии с баллом за поведение 1.³³ О подобных фактах упоминается и в ревизии 1891 г.

Если даже в духовных семинариях конца XIX в. и можно выделить факты включения учеников в политическую борьбу, все же большая часть протестных выступлений вытекала из специфики повседневной жизни. Начальство семинарий, пытаясь наладить дисциплину карательными мерами, все больше провоцировало новые выступления.

В декабре 1901 г. в Пермской семинарии вспыхнули беспорядки, которые привели к прекращению занятий и внеочередной ревизии. Основная причина недовольства семинаристов — это методы работы инспектора Потоцкого. Поводом стал тот факт, что двое воспитанников проговорились о доношении учеников инспектору. Семинаристы прекратили занятия, собрались в зале и потребовали немедленной отставки инспектора. Ректор се-

²⁷ РГИА. Ф. 802. Оп. 9 (1891). Д. 15. Л. 58.

²⁸ Там же. Л. 56.

²⁹ ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 7. Д. 107. Л. 462.

³⁰ См.: Из материалов по истории подпольной библиотеки и тайного кружка Владимирской семинарии. Кострома, 1921. С. 8, 9.

³¹ См.: Из воспоминаний о семинарии // Костром. епарх. ведомости. 1906. № 21, часть неофиц. С. 840.

³² См. об этом: Попова О. Д., Попова А. Д. Бунтующая семинария: протестное движение в духовных учебных заведениях (вторая половина XIX — начало XX веков) // Новый ист. вестн. 2017. № 2 (52). С. 43.

³³ РГИА. Ф. 802. Оп. 9 (1886). Д. 8. Л. 106.

минарии, желая успокоить учеников, обещал обо всем доложить преосвященному, который был в этот момент в Петербурге. Однако его приезд не оправдал надежд: он потребовал от воспитанников в письменном виде изложить свои претензии, при этом пригрозив, что те, кто изложат ложные сведения, будут наказаны. Семинаристы были разочарованы и решили прекратить занятия. 11 декабря семинария была закрыта.³⁴ По постановлению Святейшего Синода от 8–11 января 1902 г. все ученики семинарии были уволены, но им было предложено вновь подать заявление о приеме. Руководству же семинарии было наказано принимать обратно со строгим отбором: тех, кто не принимал участия в беспорядках, разрешалось принять 15 февраля, а прием «известных семинарскому начальству нравственной неустойчивостью» рекомендовалось отложить до августа.

Чиновники, проверявшие деятельность семинарии, до этого события хорошо оценивали деятельность Потоцкого и даже предлагали представить его к награде.³⁵ В этот раз с ревизией приехал статский советник Савитский. При расследовании причин протеста особое внимание обращалось на то, было ли какое-либо внешнее влияние. Допрошены были даже содержатели квартир, где жили семинаристы. Однако все в один голос твердили: «Это наше внутреннее дело». На фоне бунтующей семинарии ревизия наконец зафиксировала все недостатки педагогической деятельности инспектора: «он черствый формалист, державшийся в деле воспитания преимущественно карательной системы, бывшей причиной отчуждения от него учеников и источником неприязни к нему, при болезненной, особенно в последнее время, подозрительности к ученикам, в обращении с ними он был крайне не сдержан, горяч и груб».³⁶ Как свидетельствовал помощник инспектора Иван Сахаров, Потоцкий действовал только через своих доносителей, при этом избегал прямого контакта с учениками, и всегда терялся перед толпой, особенно если она была чем-то недовольна, например, плохой пищей.³⁷ Обращает на себя внимание тот факт, что сама недоброкачественная пища вопросов у начальства не вызывала, а вот бунт воспитанников по этому поводу воспринимался как грубое нарушение дисциплины. При

этом Потоцкий еще был и очень мстительным. Слава его была такова, что многие выпускники духовных училищ Пермской епархии не желали поступать в Пермскую семинарию и предпочитали Тобольскую семинарию. При этом расследование показало, что порой Потоцкий не выносил ряд проступков на обсуждение педагогического собрания и наказывал самостоятельно. Часто в качестве метода расправы он использовал неудовлетворительный балл по учебным предметам, после чего следовало отчисление «по малоуспешности».

Именно это произошло с автором мемуаров Яхонтовым. Он с товарищами решили выпустить рукописный журнал, договорившись, что в издании не будет никаких нападок ни на начальство, ни на правительство, а журнал будет носить общеобразовательный характер. Дело это оказалось трудоемким, поскольку все делалось вручную, иногда перепиской занимались на уроках. В такой момент журнал и попал в руки преподавателей. В итоге автор мемуаров был лишен казенного содержания, а затем получил неудовлетворительный балл на переводных экзаменах.³⁸ Летом в нарушение всех правил Яхонтов увидел свою фамилию в списке отчисленных на страницах «Пермских епархиальных ведомостей». Визит матери Яхонтова к ректору семинарии ничего не дал.³⁹

Таким образом, анализ сюжетов показывает, что повседневная жизнь семинарии порождала условия для протестных движений. Взаимоотношения между воспитанниками и педагогами строились на системе противостояния и борьбы. Семинарское начальство не могло направить в нужное русло даже самые позитивные детские начинания. Семинарской корпорации было предписано — упорядочить систему фиксации проступков учеников, исправить некоторые хозяйственные недочеты. Исследование истории духовно-учебных заведений показывает, что проблемы Пермской семинарии были частью кризиса всей системы.

Многие действующие лица социального института «духовная семинария» оказались заложниками системы: молодые люди поступали туда в силу происхождения, преподавательский состав пополнялся выпускниками духовных академий, тоже оказавшимися там в силу происхождения. О кризисе свидетельствует тот факт, что беспорядки в духовных

³⁴ Там же. Оп. 10 (1903). Д. 44. Л. 390б.

³⁵ Там же. Оп. 10 (1899). Д. 30. Л. 24.

³⁶ Там же. Оп. 10 (1903). Д. 44. Л. 41.

³⁷ Там же. Оп. 10 (1902). Д. 9. Л. 200б.

³⁸ ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 7. Д. 107. Л. 530.

³⁹ Там же. Л. 560.

семинариях в начале XX в. стали постоянными. Основная причина крылась во внутреннем строе учебного заведения. В первые годы XX в. волнения произошли в Ярославской, Вологодской, Полтавской, Ставропольской, Пермской, Тобольской и других семинариях.⁴⁰ Например, в Рязани в ходе беспорядков воспитанники требовали отставки ректора и инспектора. Здесь также в ходе ревизии было отмечено, что воспитательная система строилась на карательных методах.⁴¹

История повседневной жизни духовно-учебных заведений, и Пермской семинарии в частности, ярко отражает специфику российской модернизации. Нельзя не согласиться с мнением А. М. Исмаиловой о том, что «особенностью российской модернизации был ее “верхушечный”

характер. <...> Для сохранения полноты власти самодержавие не желало делать уступок конституционным настроениям. Ответом на это был рост оппозиционных настроений в обществе».⁴² Россия с большим трудом расставалась с путями сословности. Власть и Святейший Синод продолжали отстаивать сословные устои общества, удерживая в них систему образования. Семинаристы в данном случае выступали акторами модернизации, требуя перестройки системы духовного образования, вынуждали власть идти на определенные уступки. Однако в процессе выбора пути реформ или консервации старых порядков власть скорее выбирала второй путь, вводя новое медленно и неохотно, поскольку реформа семинарий требовала перестройки всей общественной системы.

Olga D. Popova

Doctor of Historical Sciences, Ryazan State University named for S. A. Yesenin (Russia, Ryazan)

E-mail: od-popova@mail.ru

PROTEST MOVEMENT OF THE PERM THEOLOGICAL SEMINARY STUDENTS

The article explores everyday life of the Perm theological seminary of the late 19th century as a factor of the student protest movement. The memoirs of seminarian V. A. Yakhontov and the archival materials of the Training Committee are analyzed. The author demonstrates that the main reason for the unrest among the seminarians was the systemic crisis of spiritual and educational institutions. The whole organization of the seminary life inevitably gave rise to internal protest, stimulated students to get acquainted with progressive literature, be engaged in revolutionary activities. On the other hand, the seminarians' unrest was caused by the peculiarities of the clergy estate life. The students were not satisfied with the internal monastery-like regime of educational institutions, the need to observe the rules of worship, strict supervision of the administration and poor living conditions. It is concluded that the protest movements in the seminaries reflected the specifics of the modernization processes in Russia: the catch-up nature of modernization left estates formally and legally intact, whereas in fact the boundaries between estates were being eroded. The state continued to hold on to the old order.

Keywords: *theological seminaries, protest movement, modernization, estate system, social consciousness*

REFERENCES

Ismailova A. M. [The specifics of the capitalist modernization of Russia at the turn of the 19th–20th centuries]. *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnyye nauki* [Bulletin of the Dagestan State University. Series 2: Humanities], 2011, no. 4, pp. 68–73. (in Russ.).

Iz materialov po istorii podpol'noy biblioteki i taynogo kruzhka Vladimirskey seminarii [From the materials on the history of the underground library and the secret circle of the Vladimir seminary]. Kostroma: Kostromsk. nauch. o-vo po izucheniyu mestnogo kraya Publ., 1921, 48 p. (in Russ.).

Khokhlov A. A. [On the nature of the internal life of the Kazan Theological Seminary at the turn of the 19th–20th centuries]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki* [Proceedings of Kazan University. Humanities Series], 2013, no. 3-1, pp. 91–101. (in Russ.).

⁴⁰ См.: Прахт Д. В. Протестное движение в Тобольской духовной семинарии в начале XX века // Вестн. Тюмен. гос. ун-та. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2012. № 2. С. 135.

⁴¹ См. об этом: Попова О. Д., Попова А. Д. Указ. соч. С. 44, 45.

⁴² Исмаилова А. М. Специфика капиталистической модернизации России на рубеже XIX–XX вв. // Вестн. Дагест. гос. ун-та. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2011. № 4. С. 68–73.

Leontieva T. G. *Vera i progress: Pravoslavnoye sel'skoye dukhovenstvo Rossii vo vtoroy polovine XIX — nachale XX vv.* [Faith and progress: Orthodox rural clergy of Russia in the second half of the 19th — early 20th centuries]. Moscow: Novyy khronograf Publ., 2002, 253 p. (in Russ.).

Popova O. D. [Audit reports on religious educational establishments as a historical source and their role in understanding seminary students' memoirs]. *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S. A. Esenina* [Bulletin of Ryazan State University named after S. A. Esenin], 2018, no. 1 (58), pp. 7–17. (in Russ.).

Popova O. D. *O godakh "seminarskoy tyagoty": istoriya dukhovno-uchebnykh zavedeniy v memuarakh ikh vospitannikov (seredina XIX — nachalo XX veka)* [About the years of the "seminar severity": the history of spiritual and educational institutions in the memoirs of their pupils (mid-19th — early 20th century)]. Ryazan: Kontsepsiya Publ., 2017, 160 p. (in Russ.).

Popova O. D., Popova A. D. [The rebellious seminary: the protest movement in spiritual educational institutions (second half of the 19th — beginning of the 20th centuries)]. *Novyy istoricheskiy vestnik* [The New Historical Bulletin], 2017, no. 2 (52), pp. 39–56. (in Russ.).

Praht D. V. [History of rebellion movement in Tobolsk theological seminary in early 20th century]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnyye issledovaniya. Humanitates* [Bulletin of Tyumen State University. Humanities research. Humanitates], 2012, no. 2, pp. 133–138. (in Russ.).

Из серии фотооткрыток г. Перми, конец XIX в.

Выпускники Пермской духовной семинарии, 1913 г.